

Натиг Расулзаде

ДУШЕНЬКА

Натиг Расулзаде

Душенька

«PEN-клуб»

Расулзаде Н.

Душенька / Н. Расулзаде — «PEN-клуб»,

Рассказ о мелком приспособленце, шкурнике, которому как хамелеону удается удачно сливаться с окружающей средой, уходить вовремя в тень, затаиться, обдывая свои поганые, незаконные делишки, пока сын женщины, которую он совратил, воспользовался ею и потом безжалостно прогнал, оставив без куска хлеба, не совершил на него вооруженного нападения. Но удар ножом в сердце не дает желаемого для юного убийцы результата: сердце Душеньки находится в правой части груди. И выйдя после ранения из больницы, пережив шок, заставивший его о многом подумать на досуге, он все-таки остается верен себе, продолжая вести жизнь мелкого негодяя.

© Расулзаде Н.

© PEN-клуб

Натиг Расулзаде

Душенька

Смерть его бродила поблизости в пошлой сиреневой курточке, а он и не подозревал, рассеянно каждый раз при встрече глядя ей в лицо. Каждый день почти и почти в одно и то же время он встречал молодого человека на одном и том же месте, на углу детской поликлиники и, не обращая на него особого внимания, проходил мимо ощущая едва уловимое неприятное чувство от его потерянного вида, расхлябанной, неуверенной походки, будто с каждым шагом парень решал для себя непростую задачу: туда ли он идет, и главное – от его безвкусной, пошлой курточки до того короткой, что создавалось впечатление, что она не его, украдена или выпрошена у человека гораздо более мелкого. И явно неприятна была аура, исходившая от парня, и у него появлялось почти физическое, противное ощущение, будто он пожевал вату, как однажды в детстве. И если бы не сиреневая куртка с умопомрачительной бахромой на рукавах от плеча до локтя, он бы вообще не обратил внимания на парня – обычный прохожий, неторопливо шагающий по улице, сонно и тупо глядя перед собой, который, может быть, переел за завтраком. И никто бы глядя на этого недотепу – а именно такое впечатление производил долговязый парень – не догадался бы, что в кармане своей похабной-распохабной сиреневой курточки он носит большой охотничий нож с великолепно отточенным светлым широким лезвием и тяжелой костяной рукояткой.

Душенька уже привыкал к виду ежедневно встречаемого в одно и то же время и на одном и том же месте парня, когда однажды во вторник, в поддень парень, придерживав шаг, дождавшись, когда Душенька приблизится к нему, и сам, подойдя вплотную, неожиданно вытащил нож и всадил в грудь Душеньки чуть ли не по самую рукоять. Нужно было обладать сильной рукой, чтобы так глубоко всадить нож в разжиревшую грудь Душеньки и парень обладал, но сказывалось отсутствие опыта и присутствие волнения: он убежал так и оставив нож торчать из груди жертвы; лезвие вошло в левую грудь, но не нашло там сердца, к которому стремилось. Сердце у Душеньки находилось справа. В этом отношении он представлял собой феномен, но никаких неудобств от этого не испытывал, а в детстве, благодаря неугомонному и суетливому характеру своей покойной матери, был не раз обследован различными кардиологами, в один голос признавшими его вполне здоровым и даже здоровее здорового.

Душенька, не успев испугаться, испытал шок от удара. Потом до него дошло, что его убивают, что вот его ударили ножом, что нож торчит из его груди, а сквозь лезвие тонко сочится густая кровь, которую Душенька за свою жизнь еще никому не жертвовал и никогда не донорствовал. Трусливая мысль как молния ожгла сознание, он хотел крикнуть, позвать на помощь, позвать врача, но голоса не было, как в кошмарном сне. Он посмотрел вслед сиреневой куртке – парень, изменив походку бездельника на спринтерский забег исчезал за углом. Вот потемнело в глазах, вот, кажется, пошел дождь на улице, вот струйка крови цедится сквозь его пальцы на волю... Душенька поднялся по трем ступеням детской поликлиники, возле которой его убивали, вошел, толкнув дверь, до смерти напугав пожилую санитарку, истошно завопившую в глубь поликлиники, и глубь эта стала моментально рождать людей с перепуганными лицами, одного за другим. И когда она завопила, Душенька упал, потеряв сознание.

На этот раз Смерть, впервые покусившаяся на рыхлую, безалаберную жизнь Душеньки, видимо, из-за недостаточной изученности объекта, промахнулась, что с ней редко бывало. Он только почувствовал ее холодное, зловонное, как сибирский нужник дыхание, но тут она отошла, стала поодаль, словно выжидая и уставившись на него слепыми глазницами, а немного погодя и вовсе исчезла, очевидно поняв, что тут сегодня ловить нечего – добыча ускользнула. Он напряженно всматривался в жуткий оскал с ожидающим выражением и, наконец-то, перевел дыхание. Все это время ему, пребывающему в бессознательном состоянии, оказывали

первую помощь в детской поликлинике: вытащили нож из груди (детский хирург), фонтан крови забивший при этом заставил слабонервную пожилую санитарку грохнуться в обморок, так что часть помогавших переключилась на нее, остановили кровь, обработали рану, перевязали (медсестры), одним словом – оказали квалифицированную первую помощь, к тому времени подоспела «скорая» и оказала вторую и окончательную, после чего, ему, пришедшему в чувство дали выпить сладкого чаю с разведенным медом, для восстановления сил и увезли. На носилках он все слабо вертел головой, желая убедиться, на самом ли деле она покинула его окончательно. И убедился. Смерть убралась.

Под мостом Мирабо тихо Сена течет
И уносит нашу любовь

Все-таки недельку пришлось Душеньке проваляться в больнице, и было время все обдумать, и основной вопрос был: почему именно он? Откуда взялся этот незадачливый убийца в жуткой куртке, с которым, как с глухонемым уже несколько дней бьется следователь, пытаюсь хоть что-то выяснить? Ведь он, Душенька не знаменитость, убив которую можно прославиться, и денег при себе у него в день нападения не было, ну, самая малость, да и попытки ограбления не установлено, и месть тоже вроде бы исключается – Душенька впервые видел этого парня, то есть, мельком видел много раз, как обычного прохожего, как многих других прохожих на улице, но знаком не был, совсем не был знаком, он и следователю так сказал. Так почему же? Каковы мотивы?

В малозаселенной палате (ввиду резкого неофициального подорожания медицинского обслуживания вопреки объявлениям в фойе больницы о бесплатных услугах со стороны медперсонала) он невольно стал вспоминать всю свою сорокадевятилетнюю жизнь, благо делать больше было нечего.

Вот ему шесть лет. Они живут в маленькой полуподвальной квартирке с крупными толстыми решетками на уличных окнах. Он часто сидит на подоконнике и смотрит на тихую улицу, бедную событиями. Огромный платан перед их окнами раскинул свою густую крону, засты свет жильцам на втором этаже обильной листвой на тесно расположенных ветвях, на одной – примитивные качели: доска, привешенная на веревках. Часто между ним и соседскими детьми вспыхивали конфликты – кому и сколько кататься на этих качелях. Дети – два брата и их младшая сестра, его ровесница. Им было легче обижать его, хотя он и старался не давать себя в обиду, действуя больше хитростью, чем силой, ябедничал, стараясь оградить себя от расправы, но все равно оставался проигравшей стороной, и часто ком бессильной злобы вставал в горле, слезы закипали, готовые ринуться вниз по щекам под пытливыми, садистски-выжидательными взглядами вражеской стороны, уже улыбавшейся, уже злорадствующей (и даже девочка, и в особенности – она, что было особенно обидно), уже готовой праздновать победу. Тогда он бежал жаловаться их матери. Но каждый раз сталкивался с грубым нежеланием понять и необъективной защитой агрессоров. Тогда он бежал жаловаться своей матери, и как ни странно – результат был тот же. И все это происходило под хохот и улюлюкание врагов, заранее почему-то уверенных, что он ничего не добьется своим плаксивым ябедничеством. Его мать никогда не вмешивалась в детские конфликты, хорошо зная, как они в их богоспасаемом малокультурном пролетарском квартале легко перерастают во взрослые. Она хотела, чтобы сын научился стоять за себя, но примера не подавала. Злость душила его... В дальнейшем улица научила его надеяться только на самого себя, на свою изворотливость, хитрость, умение приспособливаться и подставлять другого под удар: одним словом – выживать.

Потом школа. Почему это сейчас так назойливо вспоминается? В школе было два этапа, которые сделали его пребывание в ней невыносимым. Первый этап – до третьего класса, а именно до девяти лет, когда он писал в штаны стоило его хорошенько рассмешить. Однокласс-

ники знали про это его позорное недержание и старались вовсю, чтобы он обмочился. Он очень страдал, стараясь скрыть следы своего преступления. Именно так он оценивал эту свою слабость. А дома ожидали его настоящий скандал и расправа – позор семьи, чтобы тебя разорвало, чтобы ты ослеп, чтобы тебя... и никому не приходило в голову сводить ребенка к врачу. А после седьмого класса начались новые проблемы: по всему лицу пошли ужасные прыщи. Пора влюбляться, любить, обожать своих юных подружек, но вот досада – прыщи. Его сторонились, ни одна девочка не воспринимала его всерьез, не допускала мысли, что в этого уroda можно влюбиться. А он, натура темпераментная, влюбчивая, страдал, жестоко страдал, видя как его сверстники, одноклассники гуляют с девочками, встречаются и провожают их домой. Много неприятностей, позора, горечи принесли ему эти два этапа проклятой школьной жизни. Так что он и вспоминать их обычно не желал.

Срываю вереск
Осень мертва
На земле – ты должна понять —
Мы не встретимся больше
Аромат увяданья
Шуршит трава
Но встречи я буду ждать

Джахангир М., которого друзья (если только предположить, что они у него были, что у такого человека вообще могут быть друзья) ласково прозвали Джаник, что означало примерно – Душенька (так и будем называть его, ибо соответствует характеру имя: умел втираться в доверие, да и вообще – втираться), так вот, Душенька долго и можно сказать бесполезно метался по жизни аж до самых до сорока девяти лет, пока не нашел себя (с помощью дяди) в качестве заведующего в одной отдаленной от центра города маленькой аптеке. Отдаленность и нежелание быть на виду всегда соответствовали характеру Душеньки, наверное, в силу того, что сам он был весьма недалеким, а не любил быть на виду, потому как дело, или дела, или скорее – делишки, которыми он занимался очень тяжело переносили посторонний взгляд. Занимаясь поначалу мелким маклерством и выдерживая конкуренцию среди хамов и деклассированных элементов, Душенька окреп и окаменел душой, сердце его затвердело, как прошлогодние экскременты на морозе, он научился зубами вырывать то, что ему было положено и еще больше то, что было не положено судьбой, то есть, против судьбы пер, сволочь. Окружал его, начиная с юности порочный круг мерзавцев и негодяев, так как другого круга он не заслуживал, и естественно получал то, что причитается мелким, мельчайшим, невидимым глазом микробам. Урывал, значит, понемногу то тут, то там, разумеется, чужое. Не возвращал долги, не раз в связи с этим невозвращением был бит, как собака (не породистая), и так на чужом куске и вырос. Но тут уже под пятьдесят Душеньке внезапно повезло: его дядю, младшего брата отца назначили начальником Управления городскими аптеками. Душенька тут же ожил, бросил мелкие дела, страшно полюбил дядю, который довольно прохладно относился к племяннику, после того как его старший брат бросил его на попечение матери, и решил навестить дядю, которого до этого редко вспоминал. Душенька ворвался к нему в новый кабинет, расцеловал слабо сопротивлявшегося дядю, поздравил, полебезил, подумал – а не поцеловать ли руку, благо, в кабинете они были одни, но решил, что это был бы все-таки перебор и не стал.

– Дорогой дядя! – завопил Душенька так, будто его топили в болоте и только дядя начальник мог его спасти, – Поздравляю! От души поздравляю! От всего сердца! – кричал он, пугая прибежавшую на крик из приемной секретаршу истерическими нотками закоренелого психопата, – Я так рад, так рад, так рад! – по мере повторения этой оды к радости, Душенька скло-

нялся все ниже и ниже, так что можно было подумать, что он хочет стать на колени и прикоснуться губами к причинному месту дяди.

Одним словом, вышел он от дяди, как уже было сказано, заведующим отдаленной, но оттого еще более желанной (от глаз подальше) аптеки. Аптека же была рассчитана на одного продавца и одного – извините за выражение – заведующего. В тот же день, добравшись до своего рабочего места, Душенька уволил работника, который на его беду, оказался одного с заведующим пола, и заменил его на свою давнишнюю знакомую, чтобы тут же на работе без лишних хлопот облегчаться на ней, когда вздумается. Для этого была в аптеке отдельная комната, маленькая, полу-кабинет, полу-склад для лекарств. Что же касается лекарств, то есть товара, то Душенька, благодаря своему приткому характеру и умению влезать в доверие, стал лихорадочно пополнять запасы в аптеке левыми лекарствами, то бишь, незаконными (каковой была и вся прожитая жизнь его), вышедшими из употребления, просроченными, приобретая их у таких же, как он сам проходимцев за гроши, а продавая по установленной цене, в чем и преуспел в довольно короткий срок и набил мощну так, как еще ни разу не набивал. Аптека, как уже дважды было упомянуто, находилась на отшибе, и жил на этом отшибе народ простой, наивный, доверчивый, как теперь говорят – малопродвинутый. А Душенька к тому же умел искусно заговаривать зубы и наводить тень на плетень, так что благодаря своему катастрофически общительному характеру и микробоподобному умению проникать во все щели, особенно дурнопахнущие, он вскоре вскружил головы большей части населения, стал другом народа, и нуждающиеся в лекарствах, глотая сильно просроченные пилюли, не могли нарадоваться на нового заведующего аптекой. Но это было не все. Махинации, по части которых Душенька был большой мастак, как в цепной реакции тащили за собой и провоцировали новые махинации, и все они служили одной святой цели – обогатиться любыми средствами, любой ценой, так что, вскоре Душенька, которого раньше как собаку (непородистую) колотили за хронический невозврат долгов, так обнаглел, что купил себе дорогую иномарку, ни много, ни мало – новенький «Лексус». Дорогое удовольствие. Конечно, можно было довольствоваться и какой-нибудь небольшой «Тойотой», но Душенька любил пустить пыль в глаза, был непомерно тщеславным. И уже не так часто как раньше пользовался услугами готовой к услугам своей подружки и одновременно подчиненной. Познакомился с дорогими проститутками, стал душить дорогом одеколоном, хорошо питаться в дорогих ресторанах, словом все стало у него дорогим. На себя он денег не жалел. Хотя по – разному бывало. Бывало, что жалел. Человек, кто его поймет... Один раз такой, в другой раз – совсем наоборот, черт вас поймет, человеки. В последнее время ему доставляло особое удовольствие стращать и ругать подчиненную. Он находил в этом доселе неиспытанное (никто же ему до сих пор не подчинялся, наоборот – он бывал в подчинении) садистское наслаждение. Часто ругал он ее без видимой причины, подбираясь потихоньку к своей цели, и бедная женщина, боясь, что останется без работы и средств, не перечила, не оправдывалась, покорно сносила незаслуженную брань и по первому же приказу раздвигала ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.